

Ranneye Utro. 1914, February 9, no. 33, pp. 6-7.

Раннее утро. 1914. 9 февраля, № 33. С. 6-7.

Quoted in Val'kova, S. V. Rachmaninoff: Chronicle of Life and Works, vol. 2, p. 495

The symphonic poem "The Bells", a new and grandiose work by S. V. Rachmaninoff, was performed yesterday at a concert of the Philharmonic Society.

I wouldn't be wrong if I said that the talented composer's final years witnessed a twilight period. It seemed that after all he had said in the first period of his life, after the cantata "Spring," the operas, and finally the Second Symphony, a reaction had set in. Rachmaninoff seemed to be searching for new moods, a new way of expressing his thoughts. This kind of "fermentation" was reflected in his piano works in recent years. Even his most ardent admirers could find nothing significant or striking in them. Apparently, the author stood at a turning point, a crossroads. It's not surprising that the appearance of "The Bells," based on Edgar Allan Poe's¹ text, aroused widespread interest.

Judging by the text, one might have expected figurative music, the kind of figurative, decorative music so cultivated by modern musicians. But this assumption was only half-justified. Rachmaninoff did not depart from his former style; he remained true to himself, although his writing became significantly more complex and his instrumentation refined. "The Bells" left a mixed impression. And this is because, it seems to me, the author did not have a clear vision for himself.

Rachmaninoff, who interpreted the text with a specific plan, didn't have a specific idea in mind. On the one hand, he understands the bells as a symbol, on the other, he depicts them concretely. True, for a musical design, an artist cannot help but utilize the sonic colours provided by Poe. And with these colours, Rachmaninoff doesn't reach a culmination. And this is understandable. After the bells of Mussorgsky, Rimsky-Korsakov, and Borodin, it's difficult to create anything new in instrumentation, even despite the complex range of colours available in a modern orchestra.

As an example, I'll point to the second part of the poem—the wedding "golden" bells. According to Edgar Allan Poe, this is a triumph of life, the culmination of happiness. Then comes a sharp turn to tragedy, to death. The composer doesn't have a "triumph of life." He presents a lyrical episode, not an idea. And so the impression blurs, fades. The result is an unfavourable contrast with the first part, which is so full of youthful vigour and freshness, where the orchestra's colours merge into a single, inseparable whole with a beautiful and profound musical content.

The last two movements are not equal. The alarm bells are more figurative music, interspersed with episodes of great tragedy. The funeral bells have more symbolism, more mood. Here, the bell ringing is in the background. You sense the dark drama that shines through in the baritone solo, in the background orchestra, and in the tragic cries of the choir. You feel here that Rachmaninoff's new style is reborn, having nothing in common with Tchaikovsky's. And this, I believe, is the main significance of "The Bells" for the composer. For us, it is a beautiful, interesting, and significant work.

Need I even mention the performance? Under the composer's direction, it was highly artistic. The soloists—Ms. Stepanova, Buskevich, and Mr. Pavlovsky—sang their parts well, and the Imperial Opera Choir sounded superb. The work was an undoubted success. N. Kurov.

[Translation: Google]

Симфоническая поэма «Колокола», новое и грандиозное произведение С. В. Рахманинова, исполнено вчера в концерте филармонического общества. Я не ошибусь, если скажу, что за последние годы наблюдались сумерки творчества талантливого композитора. Казалось, что после всего того, что он сказал в первый период жизни, после кантаты «Весна», опер и, наконец, 2-й симфонии, наступила реакция. Рахманинов как будто стал искать новых настроений, новой манеры выражения своих мыслей. Это своего рода «брожение» сказалось за последние годы на его фортепианных вещах. Ничего значительного и яркого даже убежденные поклонники композитора не могли в них найти. По-видимому, автор стоял на рубеже, на перепутье. Неудивительно, что появление «Колоколов» на текст Эдгара По возбудило всеобщий интерес.

Судя по тексту, можно было предполагать изобразительную, декоративную музыку, так культивируют современные музыканты. Но это предположение оправдалось лишь наполовину. Рахманинов не ушел от прежнего, остался самим собою, хотя значительно усложнилось его письмо, рафинировалась инструментовка.

«Колокола» произвели смешанное впечатление. И это оттого, мне кажется, что автор не наметил себе определенного плана в трактовке текста, не задался определенной идеей. С одной стороны, он понимает колокола как символ, с другой он изображает их конкретно. Правда, для музыкального рисунка художник не может не воспользоваться звуковыми красками, которые дает По. И в этих красках Рахманинов не достигает кульминационного пункта. Да это и понятно. После колоколов Мусоргского, Римского-Корсакова, Бородина трудно дать что-либо новое в инструментовке, несмотря даже на сложный по гамме красок современный оркестр.

Для примера укажу на вторую часть поэмы - свадебные «золотые» колокола. По Эдгару По - это торжество жизни, кульминационный пункт счастья. Далее резкий поворот к трагедии, к смерти. У композитора «торжества жизни» нет. Он дает лирический эпизод. Не идею. И поэтому впечатление расплывается, меркнет. Получается невыгодный для сочинения контраст с первой частью, где столько юношеской бодрости, свежести, где краски оркестра слились в одно неразрывное целое с прекрасным и глубоким музыкальным содержанием.

Две последние части неравноценны. В колоколах набата более изобразительной музыки, в которую вкраплены эпизоды большого трагизма. В похоронных колоколах больше символа, больше настроения. Здесь колокольный звон на втором плане. Вы чувствуете мрачную драму, которая проглядывает и в solo баритона, и в фоне оркестра, и в трагических возгласах хора. Вы чувствуете здесь перерождающийся новый стиль Рахманинова, ничего общего со стилем Чайковского не имеющий. И в этом, мне кажется, главное значение «Колоколов» для композитора. Для нас это - прекрасное, интересное и значительное произведение.

Нужно ли говорить об исполнении? Под управлением автора оно было высокохудожественным. Хорошо спели свои партии солисты — г-жа Степанова, Бускевич и г. Павловский, прекрасно звучал хор Императорской оперы. Произведение имело несомненный успех.

1 В источнике: Поэ.